Особый ... Музей ... №
Государственная публичная историческая библиотека
Государственная историческая библиотека

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ
на год 1,50
„ 6 м. 75
отд. № 10

Год 1 *Buenos Aires Agosto 1923* Direccion: Correo Central, Casilla 1752 № 1

ЖИЗНЬ ИДЕТ ВПЕРЕД.

Жизнь движется полным ходом вперед. С невероятной силой мчится она. И с каждым днем, с каждым часом усиливает свой бег и свою силу. Если когда то крестьянин, живя в деревне, не знал, что творится за 50 верст от своей деревни, в ближайшем городке, то теперь редко, редко где еще остались такие мало знающие люди.

Жизнь идет вперед. Теперь, каждый рабочий, каждый крестьянин, каждый служащий и интеллигентный рабочий не может уже оставаться спокойно на своей работе, в своем доме, в своей семье, и не видеть, не слышать что происходит кругом него,— не принимать участия в окружающей жизни.

Человек своим умом, толкаемый любознательностью, избытком энергии, а иногда и необходимостью, создавал все лучшие и лучшие способы работы, передвижения, сношений между людьми на расстоянии и другие машины и аппараты и способы, чтобы жизнь человека облегчалась, чтобы работая человек получал наибольшее количество пользы от своего труда, чтобы быть способным управлять природой, а не быть жалким и безпомощным перед ее силами и величием.

Долгие, долгие тысячилетия люди отдавали все свои лучшие силы и энергию на эту работу. И оставили нам в наследство те богатства человеческого опыта, те знания, те общественные богатства, которыми мы пользуемся теперь.

Есть еще места на земле, где люди, по одним или другим причинам, остались такими же безпомощными как наши малые дети, такими же неразвитыми и малознающими как наивные ребята.

Еще недавно, когда первый аэроплан прилетел в Африку, население, увидев «летающего ангела» на небе, бросилось на землю ниц и начало молиться. Не видя никогда аэроплана, они принимали эту простую, мозгами и руками человеческими созданную, машину за небесного жителя и за небесное божеское существо.

В нашей родной стране России сколько было кривотолков, сколько самых нелепых рассказов и басень вокруг всякого нового, еще неизвестного и непонятного, открытия. Когда появились первые автомобили по улицам маленьких городов и деревень, взрослые люди целыми толпами бегали за «чертопхайкой», или в недоумении шарахались в стороны и неистово открещивались от этой чертовой силы, которая «без головы, без хвоста и ног бегает на колесах». Какое недоумение вызвал граммофон по нашим деревням и какие только комичные истории не случались с «говорящим сундуком», вплоть до «замыкания ему глотки».

Есть еще и теперь немало людей, которые на все это смотрят как на волшебства, как на небесные чудеса, или как на происки нечистой силы, чтобы завести и погубить людей.

Или, как раньше, верили в чудеса художника, нарисовавшего или подновившего икону, верили в чудеса божьи, который делал все это, желая показать свое величие и свою силу людям. Можно было бы привести бесконечное количество примеров этого наивного невежества в области человеческих дел. Еще и теперь очень велико незнание и непонимание жизни, даже самого доступного понимания того, что имеется в наших хранилищах знания и опыта. Многие блуждают еще настолько в темноте, что наткнувшись на какое нибудь новое открытие, на какую нибудь новую мысль, на какое нибудь знание, на новое слово о человеческом житье-бытье, они ошеломляются и принимают, как африканцы аэроплан, это новое открытие или новую идею,—за нечто доступное только избранным, только тем, кто уже прочел много книг и много знает,—только «великим людям».

Но нет богов и нет великих людей.

Есть больше знающие и меньше знающие. Есть, много работавших над собой и ничего еще не читавших.

Но нет человека, который бы ничего не видел и не слышал. Всякий знает что нибудь: один знает пахать землю, другой точить сапоги, третий писать счета, четвертый рассказывать читанное, пятый учить других... Но всякий имеет знания и всякий человек их практикует в своей жизни.

Одна только беда, что каждый знает только маленькую часть знаний, те которые ему нужны для своей ежедневной работы, а не интересуется знать все что творится в жизни; следить же и видеть как жизнь идет вперед и развивается не по дням, а по часам, этим мало кто интересуется. К этому люди не приучаются. Этим они не занимаются.

105

Вот почему когда отдельный человеч знает больше чем ему нужно для своей ежедневной работы, мало зноющие люди начинают его величать и делают его каким то особым человеком.

А в действительности он — такой же человек как и все остальные; только больше отдавал времени чтобы знать и меньше на разгул и разврат. Он научился иметь удовольствие в узнавании нового, в чтении, саморазвитии, самовоспитании и самообразовании. Он получал высшее наслаждение в выработке своего собственного понимания всей жизни и отношения к ней (мировоззрения). Он стал умным, лучшим образованным, знающим человеком. А иной и Великим человеком. Великим человеком, ибо он не только много понимал и много знал, но и делился со своими знаниями и опытом, своими мыслями, своими открытиями со всеми людьми. Он все лучшее что было в нем отдал всем людям, всему человечеству.

Но не все знающие — честны и употребляют на пользу других людей свои знания. Часть знающих использовывает свои знания чтобы дурачить ими людей, рассказывают и проделывают перед незнающими «чудеса», а для того, чтобы люди еще и боялись их «чудес», приписывают их разным богам, находящимся где то так далеко, что простой человек даже не в силах понять.

Еще хуже обстоит дело с знаниями об общественной жизни, о взаимных отношениях между людьми.

Природа нас учит, что в общежитиях всех животных и даже человеческих действует и проявляет себя взаимная помощь на каждом шагу; а люди знающие (понятно нечестные) стараются уговорить малознающих, что в жизни человеческого общества есть только одна борьба между людьми, и только благодаря мудрости «великих» людей и чудесному ведению ими дел в парламентах, сенатах, советах, люди не уничтожают друг друга. И убивая всех, кто начинает понимать жизнь и протестует против обмана, правителей и властителей, они еще стараются выставлять себя спасителями отечества, государства, народа, революции...

«Вожди» (руководители партий) в общественной жизни, как и «ученые» (люди ложного знания), стараются чтобы трудящиеся были в неведении и в невежестве. Ибо с того дня, как широкие массы рабочих, крестьян, служащих и рабочей интеллигенции начнут сами понимать и знать жизнь, их власти, знахарству, и эксплуатации прийдет конец. Человеку у которого есть глаза не нужны поводырь и палка, у которого здоровые ноги, не нужны костыли.

Стоит только каждому труженику понять это и начать работать над собой, и он уже не будет жалким, не знающим что он хочет и зачем он живет, а свободным и гордым человеком.

А тогда и новая жизнь будет свободной. Ибо люди должны перестроить жизнь и из людей новое общество должно быть составлено. Из никуда не годных камней не построить хорошего крепкого дома. Из людей слабых, невежественных, верующих во всякую глупость и всякому краснобаю на слово, не может быть составлено свободное общество, здоровое и довольное.

Не могут также отец и мать, сами не зная ничего, научить чему нибудь хорошему своих детей. Если садовник садит цветок, он раньше узнает как обходиться с ним. Кто разводит собак, лошадей, коров, даже делающий горшки, повозки и другие вещи учится как делать каждую вещь, как ухаживать за каждым животным. Только ребенка—будущего человека—отец и мать воспитывают даже не интересуясь что ему хорошо, что плохо. А что могут дать детям родители, если они сами ничего не знают и ничем не интересоются? И дети ростут как их родители, и часто ругают, если не проклинают, своих родителей и день своего рождения.

Кто либит свою жизнь, кто любит свою семью, кто любит своих детей, кто любит людей должен хотеть знать, и искать эти знания.

Знания и понимание жизни помогут ему во всей его жизни и жизни его близких, и в дни когда падут троны и старые власти вынуждены будут уйти (так как их ложь станет ясной людям), эти знания и понимание жизни помогут трудящимся в устройстве новой жизни: им больше не прийдется слушать краснобаев и искать себе новых правителей, а они сами смогут начать строить свою жизнь без господ и рабов, без правителей и управляемых. Жизнь идет вперед. В целом ряде стран: России, Германии, Австрии и т. д. совершились частичные революции, в целом ряде стран разразятся не сегодня,—завтра.

Жизнь идет вперед гигантскими шагами и не сегодня, завтра каждому трудящемуся прийдется сказать и свое слово и сделать и свою долю работы в переустройстве жизни своей, своих детей и своих близких. И от подготовки каждого отдельного трудящегося будет зависеть жизнь его и его близких.

В ваших руках, трудящиеся, не только ваша собственная жизнь но и будущее всего человечества. К свету же и знанию, к познанию жизни! И вся ваша жизнь окрасится новым ярким и радостным светом сознания и веры в себя и в других людей, и будущие поколения вспомнят с благодарностью о своих предках. «Освобождение рабочих есть дело самих рабочих». И только своими силами, своей волей, своею сознательностью вы сможете освободить себя и своих близких и создать новую, радостную и светлую жизнь.

Будем же делиться на страницах ежемесячного приложения «Голоса Труда» своими знаниями и опытом и постараемся, чтобы он стал тем источником света от которого каждый рабочий смог бы взять свет для своей души и для своего ума. И согрев свою душу и свой ум, взялся бы за свое самовоспитание и саморазвитие. Через сознание и знание — через свободу—вперед к свету и новой жизни.

Жизнь идет вперед.
Не будем же отставать, товарищи!
Жизнь не ждет!

Анатолий Горелик.

Н. РУБАКИН.

ВЕЛИКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ и ИХ ЧУДЕСА.

Великий древне - персидский чудотворец Заратуштра или Зароастр.

В старинных книгах рассказывается о множестве разных чудес, которые творили и творят разные чудотворцы.

У каждого народа есть свои собственные чудотворцы, а у них свои собственные чудеса.

Каждый народ верит своим чудотворцам и совершенно не верит чужим.

Что-же это за чудотворцы и чудеса? Об этом стоит рассказать подробнее. Нельзя ли каким - нибудь способом проверить разные рассказы и о них, подобно тому, как это было сделано с рассказами о поющих камнях и всемирном потопе?

Вот, например древне персидские рассказы о великом персидском мудреце Заратуштре. Этот мудрец жил около двух с половиной тысяч лет тому назад, то есть слишком пятьсот лет до Рождества Христова. До нашего времени сохранились о нем разные чудесные сказания. Его слава была очень велика при его жизни и еще больше стала после его смерти.

Заратуштра был самый знаменитый мудрец во всем Иране. Он жил и проповедывал в стране, которая находится между Индией и Персией. по соседству с Сирией и Вавилонией. Он был великий вероучитель, человек большого ума, сильного и глубокого чувства и твердой воли. Он положил начало новой, еще небывалой веры. И эта его вера распространилась на многие миллионы людей и

держалась среди них около двух тысяч лет. А коегде она держится и доселе дня.

О Заратуштре старинные иранские книги рассказывают многое множество самых чудесных преданий. Они говорят, что Заратуштра не случайно появился на земле а непременно должен был где-нибудь да появиться. Говорят, что его пришествие было предсказано еще за три тысячи лет до его рождения. Об этом пророчествовал даже какой-то таинственный бык, говоривший человеческим голосом, подобно ослице библейского пророка Валаама. Некий царь Иемшед тоже пророчествовал о рождении Заратуштры задолго до появления его на свет. Этот царь даже предупреждал дьяволов, чтобы они готовились к своему поражению и к гибели, потому что «вот придет на землю некий славный муж и сразит их всех». И правда, такой муж в конце концов, действительно, появился. Это и был Заратуштра.

Как водится, он появился на свет самым чудесным способом. О всех великих чудотворцах всегда рассказывается, что они появляются на свет не так, как прочие люди. О каждом из них ходят чудесные рассказы.

В старинных персидских книгах говорится и о чудесном зачатии Заратуштры: «само небо повелело, чтобы Слава сочеталась с Духом-Хранителем и с Телом, и чтобы из их соединения и возникло чудесное дитя». Что-же это за Слава и за Дух и Хранитель? Это существа таинственные и сверх'естественные. Древние Персы верили, что Слава, вроде как Дух Святой, исходит от светлого бога Агурамазды (или Ормузда). Обыкновенно она и пребывает в этом боге и в вечном сиянии. Но ради рождения Зоратуштры эта Слава сошла с неба на землю и проникла в самый тот дом, где предстояло родиться Заратуштре. Слава таинственно соединилась с его матерью.

В это самое время, говорит иранское сказание, снизошел еще на землю архангел Вохуман - Ашавахист и принес с собой Духа-Хранителя, заключенного в стебле таинственного растения «хом». Два верховных серафима явились к мужу Заратуштровой матери и вручили ему «священную лозу», а он передал ее на хранение жене. «И вот, говорит сказание, Тело сочеталось с Духом-Хранителем и Славой, и архангелы помогли этому, а злые духи всячески старались помешать».

И вот Зарат-уштра родился. Это был не простой человек, а воплощение сверх'естественных сил,—Славы и Духа. В знаменитой священной иранской книге говорится, что рождению Заратуштры радовалась вся природа: деревья и реки пели ему хвалебные песни. Появлялись на небе новые звезды и другие светила небесные, а бог тьмы и зла, Ариман, и его злые духи, пораженные ужасом, бежали в подземные глубины.

С рождением Заратуштры исполнились многие пророчества и молитвы. Напрасно разные враги старались помешать его рождению и искали его смерти. Божественный свет окружил тот дом, где родился Заратуштра. И радость была во всем мире, когда жизнь одержала победу: чудесный ребенок явился на свет с громким смехом вместо плача.

В иранском предании говорится, что около колыбели Заратуштры уже ходили убийцы, которые, подобно царю Ироду, старались погубить новорожденного. Но вмешательство божественного Провидения остановило над ним руку, державшую кинжал, и рука сразу отсохла.

В другой раз младенец Заратуштра тоже был на волосок от смерти. Но явился с неба ангел и приказал родителям увезти ребенка в другую землю.

Будучи 15 лет от роду, Заратуштра уже вел длинные споры о вере. И его противники уходили от него сконфуженные и боялись спорить с ним.

В это время Заратуштра уже высказывал на каждом шагу свою добрую душу и светлый ум и благородное милосердие ко всем людям и даже животным. Когда-же ему исполнилось двадцать лет, он «оставил мирские желания и вступил на путь праведности, и удалился в пустыню, чтобы там размышлять в тишине и на свободе, перед лицом светлого бога Агурамазды. Так жил Заратуштра много лет на горе в пустыне. Когда же ему исполнилось тридцать лет, он «познал истину», получил откровение и пошел в мир, чтобы служить людям».

Архангел Вогу - Манах (что значит по русски «архангел доброго разума») явился Заратуштре в видении. И его душу охватил священный восторг и архангел понес ее к Агурамазде, а затем принес обратно и снова вложил в тело.

После этого началась проповедь новой веры.

Проповедуя ее, Заратуштра то и дело видел видения и беседовал с ангелами, и созерцал воочию своего бога. Злые силы снова соединились для нападения на Заратуштру и стали искушать его в пустыне. Бог тьмы и зла ариман (Ангроманью) послал злого духа Буити, чтобы совратить и погубить Заратуштру. Но тот был «хорошо вооружен щитом праведности и духовым мечем закона. Он победил искусителя и обратил в бегство. И сказал тогда Заратуштра: «О, коварный Ангроманью, я сокрушу создание злых духов. Я сокрушу Насу (духа смерти, то есть смерть), который сотворен демонами*) пока не родится Саошиас, что значит по-русски спаситель, победитель от стран света**).

Вскоре появились у Заратуштры последователи и единомышленники. Прежде всего принял новую веру двоюродный брат его, Майдхьой-Маонха. Затем новая вера стала быстро распростаняться среди людей. Заратуштра ходил из страны в страну и ее проповедывал.

И повсюду он творил чудеса, и наставлял людей на путь истины. Он исцелял больных, спасал расслабленных, изгонял злых духов. Слепые благодаря ему прозревали, хромые исцелялись, глухие начинали слышать, немые — говорить, горбатые выпрямлялись. Вот что рассказывает старинная персидская книга: «Проходя мимо одного слепца в Динавере, Заратуштра велел отыскать одно растение и впустить каплю сока в глаза слепца. Так и сделали. И слепец получил снова зрение».

Таковы древне-персидские сказания о Заратуштре. Как уже было сказано, он жил больше, чем за пятьсот лет до Рождества Христова. А книги, в которых рассказывается о нем и его чудесах, написаны тоже за несколько сот лет до Евангелия. Из этих книг видно, каким удивительным чудотворцем и вероучителем считали и считают Заратуштру его поклонники. Для них он был не простой человек, а воплощение Славы и Духа-хранителя в человеческом теле.

И правда: Заратуштра был таким человеком, какие редко встречаются среди людей. Это был человек действительно большого ума и великого сердца. Потому нет ничего удивительного, что люди того времени и вправду думали, что Заратуштра родился необычным способом.

*) В Свящ. Писании тоже сказано, что смерть вошла в мир через искусителя, и что Христос попрал ее.

**) Профессор Джаксон, «Жизнь Зороастра». Изд. О Поповой, стр. 92 и сл.

СТРАННИК.

Средь голода, холода, снега сугробного
Тощий и хилый с сумой на плечах,
Плетется унылый, оборванный,
грязный,
Опорки на босых замерзших ногах.
Плетется уныло, и в полдень, и ночью,
Из края в край сугробных полей,
И ищет кого то... Что же он ищет:
Новую жизнь, иль новых людей?
Странник блуждает по сугробному
полю,
Морозкие ночи ему нипочем.
Тело остыло, мозг лишь горит в нем
И мысли уставились на мысли одной.
Странник блуждает по зимовой дороге,
Ищет новое умом и собой,
А кругом неизменные сугробы
мятельные,—
Там, где то, блуждает мир молодой:
Цветения нежные, летучие, зверевые,
Грозные, смелые крики лесов,
Чистые веркала, яблоки спелые,
Летения смелыя голубых облаков.

———

Кругом говорливые пигменки гордые,
Искуственно сложенные горики тел,
Мясо и тело и каша мозговая
И страсти сплетения тел.
И средь голода, холода, снега сугробного
Тощий и хилый с сумой на плечах
Плетется и ищет Весеннего Юного,
Жизнь юную с улыбкой в глазах.

2 VI 20 г. А. Г.

С. МСТИСЛАВСКИЙ.

Пять дней

Начало и конец Февральской Революции

День первый.

Февральский переворот.

(*27 февраля—1 марта*).

«На плацу стреляют».

В первую минуту не поверилось. Однако, встал, подошел посмотреть.

Окна нашего так-называемого «штаб офицерского» флигеля Николаевской Военной Академии выходили, но заднему фасу, на Суворовский плац, по ту сторону которого, за высокой стеной, через улицу, тянулись Преображенские казармы, временно занятые запасными баталионами Волынского и Литовского полков.

Но из окон ничего необычного не было видно. Погреб. Караулка. Поленицы дров. Заборы. Застыло на веревках развешанное белье. Плац, насколько хватает кругозору, — пуст: более пуст, чем обычно в ранние утренние часы, когда академики торопятся в манеж на первую верховую смену.

Я накинул шинель и вышел. Двойные тяжелые двери под'езда были приперты. Непривычно всклокоченный, ставший суетливым и вертлявым швейцар переминался на площадке.

— Лучше бы не ходить, ваше высокородие, стреляют. Казначей вышли—вернулись. Как за угол завернули, так по ним это - бах, бах, из пулемета что-ли, или как...

— Да что, в самом деле! Кому здесь стрелять?

Поистине. Ведь весь этот район города, по линии: Литейный—Бассейная—Суворовский, и дальше до Невы, заполненный казармами, военными учреждениями, госпиталями и складами, являлся настоящим «военным городком», который мы работники революционных военных организаций, еще в далекие ныне девятисотые годы, при расчислении проектов вооруженного восстания, не надеясь на присоединение гарнизона, привычно считали естественным, так сказать, редюитом правительственной обороны,—последней и сильнейшей городской позицией правительственных войск. Именно потому, что здесь сосредоточена такая масса воинских частей: кавалергарды, конвойцы, 9-й запасный полк, жандармский дивизион, конная артиллерия, 1-я гвардейская артиллерийская бригада, преображенцы, гвардейские саперы, 18-й саперный баталион, Военная Академия, офицерская кавалерийская школа, и многое множество мелких команд... Опыт восстаний учит, что в районе своих казарм—тем паче в самих казармах—войска дерутся гораздо упорнее и охотнее. И теперь, в февральские дни, когда по всему городу, не исключая и центральных кварталов, невозбранно уже перекатывались волны народных толп,—здесь, в нашем «военном районе», очерченном колючею проволокою штыковых застав—было тихо: ни одного мятежного вскрика на улице, ни одной демонстрации...

И не далее, как вчера, обходя его в самый разгар демонстрации на Лиговке, на Знаменской, на Литейной—всюду видел я тесно-надежно сомкнутые спины заслонявших «редюит» рот. Вчера в первый раз стреляли по толпе на Невском. И после залпов народ схлынул с улиц, как всегда. Оттуда—выстрелов не было. Не было боя. Кто же мог и какой силой сегодня прорваться на плац?

И вдруг, словно молотом, ударило неожиданное, невероятное, но все сразу, звуком одним раз'яснившее слово, тихим шопотом:

— Сказывают, волынцы взбунтовались.

Волынцы?!

. . . .

Как только открылась дубовая, тяжелая дверь, сразу же явственно слышно стало беспорядочное, в перебой, хлопанье ружейных ударов. Оно казалось приглушенным, далеким. Подойдя к углу флигеля, я увидел, у входа в академическую канцелярию, через двор, с десяток дворчиков и служителей, жавшихся у стенки, жадно и испуганно смотря вглубь двора, на противоположный конец плаца. Там, далеко, у манежа и конюшен нашего эскадрона, у раскрытых ворот, выводивших к казармам волынцев, — сталкиваясь, собираясь в кучки и рассыпаясь снова, маячили, взмахивая руками, маленькие серые фигурки. Взблескивали стволы.

Кто-то там, у стены, поднял ладонь, предупреждающе и несмело. И тотчас почти (случайность?)—цокнула где-то у ног, задорно и озорно, по заледенелым булыжникам, на излете, шальная пуля.

Не успел я пройти половину расстояния, отделявшего наш флигель от главного корпуса Академии—стоявшие у стены внезапно шарахнулись и, толкаясь, стадом бросились в под'езд. Оглянулся: направо за церковью, где тянулись почти до самого манежа сосновые и березовые штабели,—пригибаясь к земле, припадая в ямы, за сорные кучи, за дрова, бежали, ползли солдаты: без фуражек, иные без шинелей, в одних расстегнутых мундирах. Стрельба за дальней оградой, на Парадной, усилилась. Я вошел в опустелый академический под'езд.

. . . .

В прихожей канцелярии, писаря и чиновники тесной толпой обступили четырех гусар нашего эскадрона и человек шесть запыхавшихся, тяжело дышавших преображенцев. Вахмистр, отрапортовав, рассказывал, уже «своими словами», дежурному штаб офицеру:

— Пришли кучей: Шабаш, ребята, выходи на улицу. Люди вышли, как были, ни винтовок, ни шапек не взяли. Патронов—те то—искали, не нашли. А цейхгауза не тронули.

— Пьяные? — кривит губы полковник.

— Никак нет. В себе народ, как есть.

— Эскадрон весь вышел?

— Все, без спору, окромя нас четырех.

— Ну, спасибо за службу. Куда же нам вот преображенцев девать?

Раз'яснилось: когда волынцы вышли и двинулись снимать соседние баталионы, ближайшая к ним команда преображенцев, накануне бывшая на усмирении, разбежалась, опасаясь расправы. К ним присоединились и те — волынцы, литовцы, преображенцы, — что вообще «напугались скандалу», как об'ясняли они нам потом в академическом подвале. «Статочное ли дело: господ офицеров, слова не говоря—до смерти... За это ведь отвечать надо».

Беглецы бросились на наш плац, сначала в манеж, а затем, когда волынцы и литовцы ворвались в ворота, — дальше к Таврической и Суворовскому музею. Часть укрылась в здании Академии, куда, до них еще, «спаслось» несколько офицеров тех же восставших полков.

— В подвалы их, что-ли?

— Надо с осторожкой, — говорит вахтер Платоныч, поводя лисьим, рыжим, словно вынюхивающим лицом. — Найдут, разнесут всю Академию. Лучше бы в типографию, в бумажную кладовую.

Затесавшийся сюда же метранпаж, высовываясь из за припомаженных писарских голов — протестует визгливым фальцетом: и прятаться в кладовую плохо, и вход в типографию прямо с плаца. Но Платоныча привыкли слушать в делах хозяйственных: преображенцев сдают метранпажу — для размещения за бумажными кипами.

. . . .

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Трудящиеся России, в феврале 1917 года, разрушили силу Власти и Капитала и начали разрушение экономической, политической, общественной и культурной эксплуатации человека человеком.

Трудящиеся начали совершать Великую — Социальную — Революцию...

В море крови потопила „революционная“ Власть стремления угнетенных к Свободе, Равенству и Братству. Русская Революция об'явлена властью партии коммунистов вне закона. Русская Революция потоплена в крови трудового народа.

Но русская Революция не умерла. Недалек день когда трудящиеся России с новой силой возьмутся за строительство свободной жизни без Власти и Капитала, без угнетения и эксплуатации и разрушат кумир партийных вождей: Власть и Государство: уничтожит виселицы разорвет оковы, и начнет новую свободную жизнь начнет строить освобожденный трудовой народ. Русская Революция не умерла. Да здравствует Великая Русская Революция!

В профессорской сумрачно, до жути. Даже ходят тихо, сдерживая звон шпор. Нахмуренные, Все молчат. Только один из самых древних наших генерал-лейтенантов бубнит, тряся седыми бакенбардами, упрямо, словно споря, хотя никто ему и голоса не подает:

— Пустяки. Вернутся. Вернутся и покаятся. Куда им идти?.. А? Вот именно: куда им идти?

И в шестой раз нажимает кнопку звонка в офицерское собрание:

— Что же они там .... гм .... чаю не несут?

Чиркая по паркету сбившейся на каблук шпорой, быстро и взволнованно входит дежурный офицер.

— Преображенцы подняли на штыки Богдановича.

Кто-то перекрестился. Заведующий хозяйством, младший из нас и по кавалерийски откровенный, хмуро оглядывает осевшие по всем углам генеральские плечи:

— Ну-с, если найдется у них теперь прапорщик с головой — наделают они дела...

. . . .

Пойти было некуда.

Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев, спящими.

Теперь, через пять лет, непонятным кажется, как можно было в наростании февральской волны не почувствовать (не говорю уже «сознать») надвигавшейся бури: ведь к этим дням многие из нас готовились годами — долгими годами царского подполья, напряженной, жадной верящей мыслью... И когда пришла наконец она, долгожданная, желанная:

— Некуда было идти.

Уверен: когда исполнятся времена и сроки, и станет на очереди «история февральской революции», — найдутся очевидцы и участники, которые засвидетельствуют о проворливости каких нибудь комитетов, о каких-нибудь совещаниях, и за взмывами рабочей и солдатской «толпы» постараются привычным жестом историка подставить фигурки каких-нибудь «героев». Так было, так будет. Ведь даже по горячему следу,—когда тотчас, после переворота «Союз офицеров 27 февраля» попытался установить ход событий, запросив по полкам участников февральского восстания, — мы получили на вопрос о том, кто первый вывел Волынский полк—семь заявлений — семи приписавших себе этот начальный день февральского переворота акт. Семь описаний выхода волынцев, ни в чем почти не сходных друг с другом. Поставленный в необходимость (по должности тов. председателя Союза)—разобраться в семи свидетельствах этих,—я успокоился на уверенности, что полк вывел, в действительности, кто-то восьмой, безымянный,—заявления нам, как и должно было ожидать, не приславший.

И это было в дни, когда переворот, во всех подробностях своих, еще жил перед нашими глазами, когда можно было проверить каждое слово. Что будет писаться через годы, когда, уже мохом поростут могилы февральских убитых...

Но на деле — кроме кружков, варившихся в собственном соку или еще хуже, в военно-патриотических восторгах, социалистические партии тех дней не имели ничего. И пойти было некуда...

На улицу? В «очевидцы»?

Дома — найдут скорее.

. . . .

Суворовский плац остался водоразделом. «Передовые части противника» — несколько солдат с винтовками, без подсумков и даже поясных ремней, в расстегнутых шинелях — дошли только до караулки — на полпути от Манежа к главному зданию Академии: в самое здание не заходил никто. Профессора и слушатели разошлись по домам, сдав, в большинстве, шашки на хранение в Академический музей, так как получено было известие, что на улице разоружают офицеров.

Стрельба на Парадной и Кирочной смолкла: уже часа три не слышно было ни одного выстрела. На Суворовском попрежнему было безлюдно и тихо, и попрежнему, перед самыми нашими окнами, на углу проспекта и Таврической, у Сберегательной кассы (в помещении которой сегодня в ночь — упорно говорили в Академии — состоялось революционное совещание, на котором был «сам» Керенский)—стоял, переминаясь, завябший Преображенский пикет.

Только около часу дня зазмеились по троруарам, просачиваясь от Невского и Бассейной, вереницы прохожих: здесь, там, — у ворот и под'ездов стали накопляться кучки, настороженные, ждущие. Мелькнули, наконец, первые солдатские шинели. Солдаты шли вразброд, без оружия, отжимаясь к стороне и словно стесняясь любопытных взглядов останавливавшихся, обертывавшихся к ним прохожих...

К пикету подошла смена. По уставному. Солдаты подтянулись, построились. Разводящий отдал команду... Но в тот же миг кругом сгрудилась, неведомо откуда, сразу наросшая толпа. Заслонила. И когда она рассыпалась снова — пикета уже не было: двое «вольных» вели под руки, махая шапками, молодцеватого ефрейтора с георгиями, а над головами расходившихся — победными трофеями взметывались отданные винтовки.

Словно ждала этого улица. Ожила, затопотала сотнями ног. Закружились, засвистали целыми роями высыпавшие из переулков, из-за ворот на мостовую, на самую ширь улицы—подростки. Перехватили одинокого, уныло тянувшегося извозчика, с двумя седоками: военным врачем и штатским. Кричат в перебой. Врач встает в санях, с трудом протаскивает сквозь прорез пальто жиденькую погнутую железную шашченку, отдает толпе и сам что-то кричит и смеется. Толпа отвечает радостным гулом, растуапется, и извозчик трусит дальше.

. . . .

Бичем стегнул по напрягшимся нервам пронзительный, дерзкий, долгий автомобильный гудок. Мгновенно разбрызнулась по тротуарам шумевшая толпа посреди улицы, на трамвайных рельсах, летучая сходка и — стоголосым победным ревом дрогнули стекла: крутым виражем, сворачивая с Суворовского на Таврическую, проносится под нашими окнами синий, императорскими золотыми орлами на дверцах тускло мигнувший лимузин, с красным, бешено бьющимся о древко флагом у руля, весь переполненный вооруженными. Матросы Гвардейскаго экипажа. Кричат. Машут... За первым почти тотчас второй, такой же нарядный и страшный.

А на встречу, уже от Таврического, грузно и грозно, еле ворочая цепями передач, проползает грузовая платформа, вся ощетинившаяся штыками. Солдаты, рабочие, студенты, женщины... Передний ряд, навалившись на плечи шофферов, держит ружья на изготовку...

. . . .

Весь зачернел людьми Суворовский проспект. В Заячьем переулке, на-перекосок от Академии, идет митинг. Выпряжена ломовая телега, и с нее, высясь над головами, пошатываясь на зыбком помосте, сменяют друг друга ораторы — в картузах, шапках, котелках и просто длинноволосые... Прошли с Таврической, шаркая туфлями по снегу, в арестанских халатах, кучкой, — десятка три женщин. На Суворовской рассыпались: прощаются... Из наших ворот, попрежнему без шапок и шинелей, крадучись, выбираются на проспект, вмешиваясь в толпу, спасавшиеся у нас преображенцы.

. . . .

Жена возвращается из города: всюду то же. Автомобили и толпы. Разбит арсенал. Говорят, одних браунингов разобрали по рукам несколько десятков тысяч. Стрельбы по улицам много, но все зряшая: палят больше подростки—у них у всех почти револьверы...

«Видел женщин? Уголовные из Литовского. Тюрьмы открыты».

. . . .

А на углу бурлит мертвой зыбью на месте густая, радостная, все нарастающая толпа...

. . . .

(Продолжение в след. номере).

К жертвам алкоголизма.

(По Дарвину).

«Первое поколение: — Моральное вырождение, алкоголические ненормальности.

Второе поколение: — Порок пьянства, приступы сумасшествия, размягчение мозга.

Третье поколение: — Ипохондрия (тоска, угрюмость), меланхолия, самоубийство, убийство.

Четвертое поколение: — Глупость, слабоумие, идиотство, безплодность, полное исчезновение семьи *)".

Алкоголь составлен из углерода, кислорода и водорода.

Ром алкоголизован сахарным спиртом и остатками обувной кожи.

Алкоголь разрушает мускульную силу, размягчает мясную ткань, убивает силу воли и производит сумашествие: 90 процентов сумасшедших, пьяницы, и тоже самое можно сказать о самоубийцах; пьянство причиняет зуд, и дрожание в нервах и ослабляет зрение; 75 процентов слепых алкоголики (пьяницы). 35 процентов алкоголиков чахоточные, у которых легкие сожжены и умерщвлены постоянным употреблением этого обманчивого и отвратительного яда.

Кровь, не имея достаточно кислорода (хорошего воздуха для дыхания), превращается в жир, который скопляется вокруг сердца, не позволяя ему биться равномерно, удушая пьющего и отравляя все его органы. Пьяницы—сладострастны и не чистоплотны в своих половых сношениях, побужденные к этому своим постоянным нервным разстройством.

Из каждых двадцати детей рожденных от отцов пьяниц, половина умирает при рождении, четыре подвержены падучей болезни, четыре страдают конвульсиями (легким содроганием), один умственно слабосильный и только один здоров. Пьяница вообще угрюм, капризен, без воли и имеет твердое сердце и притупленные чувства; он холоден, эгоист и нечувствителен.

Из среды алкоголиков набирается большинство обитателей сумашедших домов, больниц и тюрем.

Пьяница есть самое отвратильное существо; и три ступеньки его падения следующие:

1) Физическое ослабление, потеря аппетита, наклонность к чахотке и к волотухе, болтливость, половое притупление и разсеянность.

2) Порча организма, истощение его жизненности, разложение клеточной ткани, потеря понятия о морали и чувств, неспособность моральной и душевной плодотворности.

3) Быстое разложение тела пьяницы, какою нибудь ужасной болезнью из вышеупомянутых, при полном незнании всего этого. Алкоголизм есть самая ужасная язва современного общества. Воздержимся же всеми нашими силами от употребления, какого либо, алкоголя **).

Послушаем доктора Амилкар де Соуца что он говорит в его книге «Здоровье по Натуризму».

«После XV века европейцы познали эту острую улетучивающуюся и сгорающую жидкость — сохранившуюся между арабами как фильтр. Они его не пили, потому что их религия запрещает им уптребление этой жидкости.

Достаточно пять веков его употребления, чтобы установить в ци-

вилизованном мире ужасные последствия этого обезсиливающего и раздражающего напитка.

Кто положил оружие в руки, которые запачкались чужой кровью; кто создал воров чужого имущества и чести, этих людей что занимают крепкие и грязные камеры в угрюмых тюрьмах стран, называемых культурными и прогрессивными?

В приютах имеются дети идиоты, глухо-немые по наследству которые влачат жалкое и ненужное существование.

Кто причинил весь этот ужас в детской среде, которая бы должна быть крепкой и цветущей как ароматическое растение? Кто сделал столько продажных женщин, которые шатаются подлые, гнусные, проституированные и униженные по улицам всех городов мира?

Алкоголь! Он — виновник этой длинной процессии физической и моральной нищеты. Пьют ли его под видом пива или вина, каш или виски, он всегда та же самая язва.

Алкоголизм проявляется в детях даже когда он был выпит родителями, сопровождая до самого гроба преступника, который его ищет или несчастного, что его наследует, если он не раскаивается во время и не направляет свои шаги по пути долга и честности. Алкоголь не имеет столько могущества, чтобы в натуральном виде соблазнить кого нибудь. Поэтому то его и представляют то в образе пива, то вина, то других напитков.

Одни продают его, другие покупают, а еще другие пьют его.

Мало людей есть, которые бы в своей жизни не были бы прикованы цепью алкоголя и... это то и есть причины почему не хотят слышать наши проклятия. Но мы, исполняя наш долг, не можем умолчать—об ужасах которые являются следствием употребления алкоголя.

«Алкоголь — говорил Гладстон— делает в наши дни больше опустошений, чем три исторических бедствия вместе: чума, голод и война. Истребляет больше, чем чума и голод, убивает больше чем война и— страшнее самой смерти». Что-бы покончить с таким великим смутьяном приводит Амилкар де Соуц слова великого француского мыслителя, Катюл Мендеса:

«Узнаешь меня? Я принц веселья, товарищ всех современных наслаждений, начало, которое управляет миром; я посещаю все собрания, и ни одно из них не происходит без моего присутствия. Приготовляю преступления, забрасываю во всех сердцах злые мысли, пачкаю места; я отец детей без отца, отравляю расудок, причиняю безчестие, разврат, самоубийства, безумие, преступление во всех его воображаемых формах.

Стремлюсь превратить землю в больницу, в сумашедший дом, в цирк, где бы вместе были бы заперты тигры, ослы, свиньи, вороны, гиены. Желаю крови, разрушения, разложения, отчаяния...

Алкоголь не есть вода жизни, но яд смерти!

Доктор Бевилярд, из Парижа, говорит в «Враче бедных» следующее:

«Алкоголь, он то и есть наш главный враг.

---

*) Эти данные взяты из книги «Современная гигиена».

**) Из книги. «Современная гигиена».

Алкоголь, причиняет больше жертв, чем все эпидемии вместе: разоряет семейства и приготовляет поколении детей слабых и золотоушных. Он есть главный поставщик сумасшедших домов, больниц, тюрем. Не утоляет жажду, но вызывает ее; не греет, не насыщает, не крепит, но только убивает. Война пьянству»!

Приводим одну поучительную статистику о гибельных последствиях употребления алкоголя в человеческом теле:

Из каждых ста арестованных за убийство,—пятьдесят алкоголиков.

Из каждых ста задержанных за насилование,—53 алкоголика.

Из каждых ста задержанных за добровольный поджог—57 алкоголиков.

Из каждых ста задержанных за побирание и бродяжничество — 70 алкоголиков.

Из каждых ста присужденных за драки и повреждения — 90 алкоголиков.

Эти цифры взяты из тюремных регистров.

Прекрасна мысль Ламенэ французского мыслителя, который говорит: «Знаете, что пьет этот человек в этом стакане, что насилу держит в своей дрожащей руке? Он пьет слезы, кровь и жизнь своей жены и своих детей».

«Опьянинее, говорит Бавильяр, — есть такое моральное унижение, что ставит человека ниже скота.

Кто это делает, подвергается презрению всех, теряет уважение и доверие к нему честных людей; общество отрекается от него и болезнь простирает к нему руки. Несчастен тот, кто подвергается этой участи!

Постоянное пьянство, ведет к самым ужасным результатам. Кто пьет алкоголь каждый день, тот портит свой организм, его желудок работает плохо, имеет припадки желчи, и руки его дрожат».

АЛКОГОЛЬ!

Сжигаемый в печке, дает

ТЕПЛО;

Сжигаемый в машине, дает

СИЛУ;

Сжигаемый в желудке, дает

БОЛЕЗНЬ и СМЕРТЬ.

РАБОЧИЕ! Вы наверное не захотите конкурировать с печкой или машиной.

(*«Jdeas y estudios»*, Монтевидео).

Перевел *Х. К.*

„Борьба с религией“

и что надо подразумевать под ней.

Главное оружие врагов социальной революции—религия. С ее помощью буржуазии всех стран легче подавить дух возмущения и бунт. Ее помощь действительнее чем все войска и все остальные средства, применяемые капиталистами в борьбе с рабочими. На силу есть сила и когда нужно она будет. Бороться же с методически распространяемой болезнью, с религиозной язвой, много труднее. Во первых, мы не знаем даже с чем конкретно нужно бороться: понятие «религия» понимается слишком различно и во вторых, мы не знаем действительных средств этой борьбы. То, что мы применяли дало слишком мизерный результат, чтоб им остаться довольным.

Много сил ушло на борьбу и многие революционеры — светлые умы, как Э. Реклю и И. Мост говорили свое слово против религии, обличили ее ложь, срывали с нее яркие одежды...

Силы не должны тратиться зря. Я считаю необходимым обратить внимание на те мельницы, с которыми борятся многие наши товарищи.

Почти все их действия и слова направлены против обрядов, церковной иерархии, против молитвы и т. под., одним словом против идолопоклонства как действия. На самом же деле вся сила для успешной борьбы с религией должна быть направлена на борьбу с идеей бога, которая заставляет человека отречься от разума, с идеей поклонения кому бы то ни было, с идолопоклонством как с идеей, и, если мы раздвинем шире узкие границы,— с авторитетом, который и есть в сущности идолопоклонство как идея.

Борьба с идолопоклонством как с действием, борьба с церковностью приносит мало пользы, что ясно видно хотя бы на примерах, данных нам последними годами.

Много сил и средств было потрачено на то. чтоб показать ложь религии. Вскрывались мощи, разоблачались преступные действия священнослужителей, издавались специальные законы, книги, журналы, к слову сказать почти всегда очень поверхностные, как например журнал «Атеист», издававшийся в прошлом году.

Конечно все это хорошо и никто из нас не скажет, что это не нужно. Но результаты?

Результаты же такой антирелигиозной деятельности ничтожны и совсем не окупили затраченных сил и средств, Несколько закрытых церквей, несколько попов, сбросивших иго своего сана... Вера в бога не пострадала и если кто отказался от нее, то, думаю, сделал это под давлением совсем других обстоятельств. Еще одним показательным фактом незначительности полученных результатов является частое исключение из членов Р. К. П. (бол.) за «религиозные предразсудки» и исполнение религиозных обрядов.

Очевидно, что борьба с религиозной мишурой нам ничего не дает.

Показная церковность есть только следствие причины. Причина зла — глубоко лежит в человеке: это чувство, которое воспитывалось и культивировалось очень давно; это чувство своего удобства, чувство того, что есть что то выше человека, чувство того, что он в руках у кого то, кто не дает ему свободно и самостоятельно ступить хоть шаг.

Отсюда искание «главы»—поклонение «превосходящему», признание авторитета. Отсюда идея о власти, почитание власти; боязнь ее.

Ничто не препятствует так распространению анархизма, как признание авторитета. Застой и торможение прогресса идут рука об руку с авторитетом. Авторитет мешает всякому развитию, будь то развитие сознания человека. Нет числа угнетенным, которые благодаря этому предрассудку слепо идут за своими вождями.

«Думать своим умом — это такая смелость, до которой и теперь не всякий охотник». (Д. Писарев).

Что нам в том если исчезнет религия, но останется «поклонение» кому либо; если исчезнет вера в бога, но останется «вера» в кого либо?

Нет разницы между поклонением богу, царю и признанием непогрешимости какого либо Ньютона или Птоломея. Нет разницы между почитанием «святых» и почитанием своих «вождей».

Сила наша должна быть направлена сюда: против «почитания» и «авторитета», в защиту свободного и самостоятельного мышления!

М. К. Т.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

К читателям:

Приступая к изданию ежемесячного приложения «Голос Труда», с целью помочь каждому трудящемуся в его работе над саморазвитием и самовоспитанием, мы хотели бы чтобы это приложение стало действительным органом самых рабочих. Для этого мы вводим почтовый ящик, в котором каждый читатель сможет получить ответ на все интересующие его вопросы.

Пусть каждый товарищ пишет о своих думах и сомнениях, ставит свои вопросы, мы постараемся отвеветить насколько будем в силах.

В общей взаимной работе залог нашего лучшего будущего и нашей теперешней жизни.

Пишите не стесняясь ни языком, ни выражениями.